

ОЛЬГА КУДРЯВЦЕВА ЕЛЕНА БУЛГАНОВА

ПРОКЛЯТИЕ КУКЛЫ В ПИОНЕРСКОМ ГАЛСТУКЕ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К88

Кудрявцева, Ольга Александровна.

К88 Проклятие куклы в пионерском галстуке / Ольга Кудрявцева, Елена Булганова. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Смерть в пионерском галстуке).

ISBN 978-5-04-234807-5

Хулигана и двоечника Кирилла отправляют в пионерский лагерь «Факел». В одном отряде с ним оказывается Терезия, с которой он учится в одной школе и в которую тайно влюблен.

Существует поверье: каждую третью смену в каком-нибудь лагере появляется проклятая кукла в пионерском галстуке и в ночь прощального костра похищает самого лучшего подростка. Отличница Терезия боится, что станет жертвой. Чтобы уберечь ее, Кирилл обещает сам стать лучшим пионером, совершить подвиг и отвлечь проклятие на себя.

В первую же ночь в чемодане вожатой обнаруживается загадочная кукла-пионерка. А позже одна из девочек едва не задыхается во сне — ее находят с куклой на груди, словно та пыталась задушить ребенка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-234807-5

© Кудрявцева О.А., Булганова Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Посвящается неизвестному мальчишке,
который защитил одного из авторов
в школьной раздевалке много-много лет назад*

ГЛАВА 1

СУРОВОЕ НАКАЗАНИЕ

На уроке географии пятиклассник Кирилл Мальцев сидел с закрытыми глазами и думал о море. Так крепко думал, что уже почти ощущал всем телом тугую мощь волны и солоноватую горечь на языке.

Вон неподалеку на желтом надувном матрасике плавает сестрица Оля, воображает из себя взрослую: нацепила солнцезащитные очки и даже нос, подражая маме, заклеила кусочком бумаги. Не подозревает, бедняга, что Кир так близко. Еще мгновение — и он подныривает под матрас, пихает плечом его скользкий бок. Стремительно, все так же под водой спешит прочь, оставляя позади упоительно истошный визг сестры.

Потом он увидел себя растянувшимся на влажном песке, а мама и папа, увлеченные, как дети, сыплут и сыплут этот песок на его тело, пока не остается на поверхности песчаного саркофага только лицо. Сестра не участвует, дует, хотя и не может доказать, что именно брат спихнул ее с ма-

траса (Кир, конечно же, стоит на том, что это был дельфин).

Но после шашлыка и мороженого Оля добреет, и вот они уже вчетвером лепят на прибрежной линии очень хищного крокодила с острыми зубами-раковинами. А затем, уставшие, просто сидят у кромки воды и смотрят, как огромная гора, приняв образ медведя, прилегла на брюхо напиться из моря...

— Мальцев, ау!

Кирилл нехотя поднял голову и посмотрел в черные пронзительные глаза географа, придирчивого и быстрого на расправу Петра Павловича, для простоты Петропалыча. Правда, сегодня учитель выглядел чуть более миролюбивым. Даже на него нужным образом подействовало буйство солнечных лучей необыкновенно теплого для их северо-запада майского дня.

— Домашнее задание сделал? — спросил географ почти ласково. — Что-то не наблюдаю на твоей парте контурной карты. Забыл достать?

— Не забыл. Не сделал, — ответил Кирилл.

Учитель округлил глаза.

— Ого, не узнаю тебя, Мальцев! Вот так сразу признать, что не поработал дома? А где пятнадцать попыток выкрутиться? Где рассказ о потопе в твоей квартире, в котором трагически погибла тщательно раскрашенная карта? Или о собаке, выхватившей ее из ранца, когда ты остановился у скамейки проверить, не оставил ли дома дневник? Уж не заболел ли ты, дружок?

Кирилл, утомленный таким вниманием к своей персоне, помотал головой. Учитель даже попятился от его парты, картинно замахав руками.

— Нет, определенно дело плохо! Ты даже не ухватился за мои слова, чтобы рассказать, к примеру, о лихорадке Эбола, которую подхватил от случайно встреченного в автобусе чернокожего иностранца. Вот думаю, не отправить ли мне тебя к медсестре? Температурку измерить, горлышко глянуть...

Парень гордо промолчал, только зыркнул по классу, проверяя, кто это там хихикает. Веселились в основном девчонки, поскольку знали, что им ничего не грозит, — девчонок Мальцев принципиально не бил. А вот пацаны на всякий случай делали вид, что заняты своими делами и не слышат веселого разговора между худшим учеником класса и классным руководителем. Потому что знали: позволь они себе хоть крохотное веселье — и на перемене не избежать неприятностей. Этот чокнутый Мальцев налетит смерчем, повалит на пол... Себе дороже связываться с отпетым драчуном.

Глаза Петропалыча словно ледком подернулись. Он потерял интерес к ученику, просто выдернул из-под учебника его дневник и унес к своему столу, бросив на ходу через плечо:

— После урока задержись-ка, Мальцев. Потолкуем с тобой.

Кир тяжело вздохнул, потом снова посмотрел в окно и напомнил себе: «Ничего, скоро лето, и мы

поедем на море. Всего-то месяц остался». Весенний денек снова расцвел добрыми надеждами.

Не омрачился он даже тогда, когда со звонком пришлось подойти к столу Петропалыча и долго ждать, когда тот закончит нарочито медленно заполнять классный журнал и поднимет на Кира прищуренные, жирно блестящие, сулящие неприятности глаза.

— Ну что, брат Мальцев, покалякаем о делах наших скорбных? — заговорил географ тем низким рокочущим голосом, который вгонял в ужас любого в классе, кроме Мальцева.

Тот еще выше вскинул голову и подул на упавший на глаза русский чуб.

— Светит тебе, дружок, второй год в пятом классе. Ярче весеннего солнышка светит.

Кир выжидательно поднял правую бровь.

— Смотри, какая мрачная картина у нас вырисовывается: по математике назревает двойка, по русскому — аналогично. — Классный руководитель для подкрепления своих слов снова открыл журнал и стал водить по строчкам длинным желтоватым ногтем. — По литературе оценочка зависла между двойкой и тройкой. По моему предмету и говорить не стоит. По пению ее нет вовсе, потому что наша дорогая Нина Августовна тебя боится и отказывается проводить урок в твоём присутствии. И нам, педсоставу, сложно осуждать ее за это.

Тут Кириллу ничего не оставалось, кроме как развести руками и громко вздохнуть, — с педсоставом

в этом вопросе он был солидарен. Нину Августовну жалко, но он не виноват, что голос у него такой громкий, а по ушам не то что медведь, а, по уверениям отца, стадо слонов основательно потопталось.

Вдруг мысли мальчика, до этого текущие тихо и безмятежно, словно сорвались с цепи, забурлили и забились, как морские штормовые волны о каменный пирс. Не веря сам себе, Мальцев ухватился за углы пионерского галстука и дернул так, что наверняка затянул узел на веки вечные. А после вперил в классного руководителя взгляд почти круглых глаз бутылочного цвета и переспросил, едва справляясь с дыханием:

— На второй год?! В пятом классе?!

Географ оторвался от журнала и посмотрел на нерадивого ученика — как видно, уловил изумленную дрожь в голосе.

— Я очень рад, что до тебя начинает доходить, Мальцев. Да, может случиться так, что ты еще один учебный год будешь посещать пятый класс.

— Пятый «В»? — жадно спросил Кир.

— Этого я не знаю. Возможно... Мальцев, дружок, ты точно не затемпературил, часом? Прямо огнем пынешь. Не посетить ли тебе в самом деле медкабинет?

— Я здоров! — крикнул Кирилл. — Спасибо, Петро... Петр Павлович! Можно я пойду?

До дверей класса учитель провожал его озадаченным взглядом.

Урок географии был в этот день последним, иначе, как бы ни был потрясен Мальцев, подсказку про медкабинет он, без сомнения, поймал бы на лету. Но сейчас в этом не было никакого проку. Он в темпе покинул школу и до дома неся бегом. Не то чтобы торопился туда, просто энергия счастливой надежды не позволяла перейти на шаг.

Опомнился он, когда палец уже давил на кнопку звонка. Открыла мама, и ее лицо моментально поведало Киру печальную истину: Петропалыч успел позвонить и рассказать о перспективе второгодничества. Покрасневшие глаза и закушенные губы матери не то чтобы полностью убили радость в его душе, но ощутимо задвинули ее на задний план. Мальцев согнал с лица счастливую улыбку, не став делать вид, будто не понимает причину ее огорчения.

— Мам, ну чего ты, не переживай! Подумаешь, второй год. Ничего страшного.

Мать даже охнула тихонечко, попятилась и замала на него руками. В лицо Киру полетели брызги, потому что его родительница варила обед.

— Кирилл, да что ты такое говоришь?! Ты еще при отце это ляпни! Такой позор!.. Никакого второго года не будет!

— Как не будет?

Он даже отпрянул от этих слов, врезался ранцем в лестничные перила, и они застонали на все лады, заходяив ходуном. Но тут крепкая материнская рука втянула его в квартиру и захлопнула дверь.

— Об этом и речи не может быть. Второй год! Отец этого не перенесет. Пока что тебя оставляют на осень, и то если не исправишь оценки до конца учебного года.

— Что значит оставят на осень?

Он недоуменно заморгал и уронил ранец с плеч на коврик в прихожей. Так и стоял в уличных ботинках, не в силах нагнуться и развязать шнурки, — не легко дается потеря надежды.

Мама, напротив, успокаивалась и веселела на глазах. Она с готовностью объяснила:

— Ну, Кирюшка, ты просто позанимаешься летом, а в конце августа будет небольшой экзамен по предметам, по которым сейчас у тебя выходит двойка. Ничего страшного. Ты все ответишь и пойдешь в шестой класс, как и положено. Мы с папой тебе поможем...

— А как же море? — перебил ее Кирилл.

Как гром с небес прозвучал прохладный ответ матери:

— А моря в этом году не будет, сынок.

— Как? Вообще?

Это не умещалось в голове. Хотелось проснуться и узнать, что эти немыслимые слова никогда не произносились на самом деле. Но мать, не отрывая от него пристального взгляда, слегка мотнула головой.

— Нет, не вообще. Мы с отцом перенесем наши отпуска на август, чтобы ты мог нормально подготовиться. И в августе поедem... Втроем.

— А я?! — ахнул Кирилл.

— А тебе возьмем путевку в пионерский лагерь. Там ты будешь культурно отдыхать и утрясать в голове накопленные знания.

Дальше Кир не слушал, в ушах что-то зажужжало — противно так, тоненько. Он был не просто потрясен, а раздавлен, убит! Потому что это было немыслимое предательство со стороны родителей — не взять его в семейную поездку. Разве не они учили его и старшую сестру Ольгу, что семья должна как можно чаще бывать вместе, всеми способами укреплять доверие и взаимопонимание? А как дошло до дела, так его из-за сущей ерунды вышвырнули из семьи, лишили поездки, о которой он мечтал весь год. С ужасом ощутил Кир, как уголки глаз пощипывают слезы, попытался рвануть в комнату, но не удалось — коридор был слишком узок. Он отвернулся и уткнулся лицом в одежду на вешалке. Ощутил, как материнские руки ложатся на его плечи, услышал ее немного испуганный голос:

— Ну что ты, Кирюш? Сдашь ты свои предметы. Учителя наверняка пойдут тебе навстречу, хорошо все будет...

Как будто это его волновало!

Он оставил одежду в покое, шмыгнув носом и деловито уточнил:

— А если я до августа все-все выучу, тогда возьмете меня на юг?

Мама с непреклонным видом покачала головой.

— Нет, сын, увы. Я уже обсудила это с отцом по телефону, и наши с ним позиции совпали. Тебе придется понести наказание, ведь ты разрушил наши планы. И Олины тоже.

— Нельзя мне в лагерь, — хмуро, равнодушно констатировал Мальцев, только что переживший крушение надежд по всем фронтам своей жизни. — Все равно через день-другой велят ехать домой. А куда я поеду, раз вы на море?

— Ты имеешь в виду: после того как в очередной раз нахулиганишь? — отстраняясь, тоном с привкусом металла уточнила мать. — Ох, Кирилл, ну в кого ты такой? Дерешься, плохо учишься... Я всегда думала, что, раз у ребенка хорошая дружная семья, он автоматически становится... ну, таким, как наша Оля, к примеру. Вспомни, как тебе еще до школы нравилось учиться, как гордился тобой папа. Правда, я просила его не заниматься с тобой так основательно, ведь все равно все это проходят в первом классе. Но вы оба получали такое удовольствие — вот и...

Мать безнадежно вздохнула и с самым огорченным видом скрестила руки на груди. Кир протиснулся мимо и пошел, горбя спину и волоча за лямку ранец. Ощущал он себя в этот момент круглым сиротой.

Наверное, мать что-то почувствовала, потому что проговорила ему вслед:

— Но есть же еще время до конца года. Если ты исправишь оценки и нормально перейдешь в ше-

стой класс, то мы забудем эту историю и планы останутся прежними.

Увы, эти слова прозвучали слишком поздно.

Мальцев зашел в их с сестрой комнату, сел за стол, попинал ранец. Бесконечно долго развязывал затянутый узел галстука. Даже думал, что придется теперь жить в нем, ведь резать галстук нельзя, за такое и из пионеров могут турнуть. Потом в полном раздразе он разложил на столе учебники, открыл их все разом, побродил по страницам невидящим взглядом. С предательством близких он уже смирился, но оставалась другая дилемма.

Кирилл не сомневался, что может запросто исправить двойки, ведь учеба в самом деле давалась ему легко. Даже слишком легко, наверное. В первом классе он поначалу понять не мог, почему все корпят над тем, что ему давно известно, и зачем выводить в прописях дурацкие палочки и крючочки, если он в состоянии написать нормальными буквами весь алфавит. Он рвался к доске, хотел продемонстрировать свое умение недотепам-одноклассникам, но молодая учительница, только что получившая свой первый в жизни класс, досадливо морщилась, прикусывала губу и старалась по возможности не замечать надоедливого всезнайку. Так что школа уже к середине сентября стала для Кира местом вязкой скуки, и, чтобы хоть немного развеяться, он начал хулиганить. Сперва по мелочи, и даже заметить не

успел, в какой момент оказался главным хулиганом школы.

И вот теперь ему нужно было определиться: исправить оценки, чтобы перейти в шестой класс и мирно отправиться на каникулы, поехать с семьей на море, хотя ему теперь не то что ехать — думать о море было противно; или не исправлять, а осенью завалить переэкзаменовку и оказаться в одном классе с Терезией, сейчас оканчивающей четвертый.

Терезия Руденко была девочкой такой красивой, что на нее вечно таращились даже старшеклассники. На переменах Кир находил ее класс и исподтишка наблюдал за ней. Вдруг кто-то обидит ее, к примеру толкнет случайно или умышленно? А девочка выглядела такой хрупкой, хотя была довольно высокой, и все перемены простаивала у окна с книгой в руках. Кир однажды увидел, как завуч взяла книгу из рук Терезии, глянула на обложку и отругала за то, что та читает литературу не по своему возрасту. Но Руденко подняла на нее глаза, похожие на крупные перезрелые вишни, и посмотрела так, что завуч только махнула рукой и книгу вернула.

У Кира, стоило ему увидеть Терезию или просто заметить в толпе ее черные косы с коричневыми бантами, в груди становилось жарко, за ребрами словно разгорался костер. И нельзя было оставаться на месте, хотелось непременно что-нибудь сделать, показать себя. Однажды в раздевалке он схватил за волосы и столкнул лбами двух восьмиклассников. Пришлось,